

У Гоголя в некоторых произведениях действует такой запоминающийся персонаж, как Голова. Колоритный хитрован, хозяйственный, любящий слегка приукрасить свои административные подвиги. Настоящий козак. Избранный всем миром. Обязательно из зажиточных односельчан. Одной с ними крови. К Голове все относились с большим уважением. Считали почётным породниться с ним через женитьбу детей.

После отмены крепостного права хорошо отлаженная система сельского управления стала давать сбои. Захирел прежде процветающий пан Голова. Он же староста, войт, бурмистр, приказчик. Отменённая барщина перестала давать стабильные доходы. Многие помещики подрастеряли капиталы. А простые крестьяне толком не знали, где взять денег на выкуп. Деревню стало лихорадить. Чтобы спасти положение, дворяне сдавали свои имения в аренду тем, у кого водилось золотишко. А водилось оно в ту пору, как правило, в основном у разных авантюристов.

В поэме – это некто Авербах; по подложным документа – Копель. В любом случае, человек не русский. Чуждый общине по духу. Нещадно эксплуатирующий село. Вызывающий у народа понятное раздражение.

Сюжет крутится вокруг спиртозавода, перегоняющего на градус политые крестьянским потом на роскошных угодьях хлеб и картошку. Тяжкий труд как бы морально обесценивался. Такое положение вечно продолжаться не могло. В пору революции 1905–1907 годов по стране прокатилась волна явно спровоцированных поджогов помещичьих, как уверяют историки, усадеб. На самом деле, в большинстве случаев там давно сидели арендаторы-Копели. А бывлые хозяева прожигали деньги в Питерах.

Нередко погромы заканчивались убийствами. Трагична судьба и ведущего персонажа поэмы. А главный герой её – восставший народ. Не зря многие исследователи приходят к выводу, что первым опасным фитилём к революции полыхнула именно отмена крепостного права.

Я не стал бы об этой реальной истории, произошедшей в моём родном брянском селе Рохманово, писать, да ещё прибегнув к лиро-эпическому жанру, если бы через век российская история не стала повторяться с пугающей последовательностью.

Переворот 1991 года бесцеремонно отменил советских «помещиков» – колхозы и совхозы. Разделённую на паи землю прежних хозяйств мало кто взялся обрабатывать. Даже для пятигектарных

доскутов (были и такие) нужны техника, семена, удобрения, элитный скот. Наконец, солидные счета в банках и рынки сбыта продукции. Откуда они у вчерашних колхозников? Да и не верилось, что государство не раскулачит набравших обороты фермеров, а по старой памяти – кулаков. Довольствовались селяне, как и прежде, приусадебными участками. А паи просто продали за гроши появившимся, как черти из табакерки, дельцам.

Так через сто с небольшим лет в русской деревне всплыли новые Копели. Не менее наглые и бесцеремонные. Часто с двойным гражданством. Кто-то опять организовал примитивные винокурни. А кто-то затащил в сёла мощные аграрные компании, вроде отечественные, но с западными корнями, производящие, например, мясо подозрительного качества. Причём во многих местах новые владельцы перекрыли колючей проволокой даже ближние выходы на кладбища. Покойников теперь приходится обвозить на родной погост чуть ли не за десятки километров. Чем это кончится?

Небольшая по объёму поэма мною задумывалась, как произведение-предупреждение. Ещё к столетию той, первой, революции, вроде второстепенной и, в общем-то, недостаточно изученной. Бывая на малой родине, я несколько лет возвращался к теме. Советовался с краеведами, учителями и работниками музеев. В конце концов, сел за клавиши компьютера.

Основная мысль поэмы «Копель»: к русской крестьянской общине 21 века нужны более национальные подходы, исключая бунты и новые грандиозные потрясения. Тогда всё ещё плодородная земля даст благодатные общественные всходы.

Пойму ли я – как между копен,
На жирных землях и хлебах,
Подмяв деревню нашу скопом,
Сидел помещик Авербах.
Никем особо не испытан
На герб и ксивость паспортин,
Хозяин, промышлявший спиртом,
На целой тыще десятин.
Где раньше зрели караван
И драники в тени ботвы,
Серпы ячмень и рожь карнали
Во имя выгодной бурды.
Тянулись озимью обозы;
Под дубом ярый зрел сырец,
Извоз толкая на курьёзы;
Вокруг раздувшихся колец.
Сдвигали хлопцы тарный обруч,
Сверлили тоненькую щель.
Жизнь на селе – лихой всеобуч
Не состоявшихся мощей.
Совали под струю стаканы,
На закусь нюхали рукав.
Вкусны мохнатые бараны
Для отупленных орав.
Какая, к чёрту, осторожность,
Чего жалеть чужой навар!
Катился с песней подорожной
Обоз казацких шаровар.
Под «будь» прикладывался поезд,
Куроча градусный родник.
Пока сто вёрст заткнёшь за пояс,
Раз семь набухнет воротник.

**Далёк Погар под Конотопом,
Шерсть вязнет мясом на зубах.**
С ума сойдёт приبلуда Копель,
По документам – Авербах.
К судьбе крестьянской равнодушный,
Скуривший ниву в сизый дым.
Он был, наверное, контужен
Пятирублёвым золотым.
Довольно странный сивый барин,
Не понимающий греха.
Его клеймённого амбара
Сивухой пахли потроха.
Молчал приказчик по привычке;
Возницы, будьте нележки!
Трещали крепкие затычки
И в рукавицах кулаки.
Они б сейчас набили морду
Тому дворянскому лицу,
**Что всю мужицкую свободу
В аренду отдал за кицу.**
Прохвосту явно подставному,
Что всем законам вопреки,
Назло грядущему погрому
Спустил гектары у реки.
Не серых почв, а чернозёма,
Где тарангас рожала жердь.
Тут всё, что было солью дома,
На спирт пытались пережечь.
С того и мучился приказчик,
Как стерегущий сливки кот.
Сидел тихонько и не кашлял,
Чтоб не обиделся народ.

Как говорится, чья б мычала...
Из-за каких-то жалких вин.
Коль новый век судьба качала
Среди курганов и лошин.
Младенец зырился спесиво
На ситец красный повитух.

И без особого посыла

Гулял в имениях петух.
Вражда пошла меж мужиками
То за угодя, то за баб.
И спорил ночь с колоколами
Пожарной рельсины набат.
На Гомель лёгшая дорога,
Как самый страшный конокрад,
Вдруг увела крестьян от Бога
В железный пролетариат.

Не зря же дьякон, предок милый,
За двадцать пять земных рублей,
Купил земельку для могилы
Себе у храмовых аллей.

Святую вечную местину;

Меж тем и этим светом брод,
Где в час положенный по чину
Его отпел священник Пётр.
Чего жалеть последний лапоть,
Готовясь выйти на покой.
Ещё придёт страна на паперть
К нему с протянутой рукой.
Всё ожидало горько слома,
И не хотел взглядеться хват,
Как ночью плакала солома
На крышах вымоченных хат.
Бугрилась дерзко вереница
Событий новых и забот.
Уже понукивал возница
Конька по кличке – Пятый Год.
Я накануне юбилея,
Спустя аж сотню звонких лет,
Гляжу – какая галерея
Событий вписана в портрет.
Тогда толпа из Чернижова,
Истока сладких почв и вод,
Носила камень напряжённо
Вокруг помещичьих ворот.

И по ночам шумела копань

С раскисшей грудой конопля.

Был обречён пришелец Копель,
Как и другие куркули.
Земля, не вынесшая спирта,
И долго вывшая в трубу,

Последний день иезуита
Таскала молча на горбу.
Убийц на каторгу сослали
Со славой доброю в Сибирь.

.....
Нашёл среди выцветших писаний
Я историческую быль.

Читал старинные бумаги

От грустных дум навеселе:

С заплесневелым вкусом браги
В старинном сельском булдыре.
Из стен заклётого завода
Мужик фасонистый Остап
Фундамент выложил со сводом
Для белокаменных палат.
Имел к нему возы претензий
Его лукавый домовый.
И дом от пенсий и до пенсий
Ходил с больною головой.
А кто на улочке той вызрел,
Лишь горе горькое стяжал.
То батька в сына сыпал выстрел,
То дед потомков поджигал.
То под забор бросала дочку,
Отняв с натугой от груди,
Тут баба, выстроив цепочку
Своей и внучкиной судьбы.
Висело пьяное проклятье –
Дубовой бочки страшный плод.
И даже свадебное платье
Воняло зеленью болот.
Тут ничего не изменилось
Спустя космический весь век.
Бумага только прохудилась,
Да прохудился человек.
И, говорят, что между копен,
На жирных землях и хлебах,
Никем не взятый, бродит Копель,
По документам, Авербах.

* * *

Вы не ищите аналогий;
Пою я песни о земном,
Не виноватый, что итоги
Чужим пропитаны вином.
И эту добрую поэму
Народу мудрому дарю,
Пускай подумает на тему –
Как жить грядущему царю!

Отупленные оравы

Возницы в бараньих тулупах. «Закусывают» спирт нюханием рукавов.

Далёк Погар под Конотопом, Шерсть вязнет мясом на зубах

Обоз направлялся в брянский городок Погар, находившийся недалеко от украинского Конотопа, скупающего потом у оптовых поставщиков большие партии спирта. «Закусывание» часто приводило к тому, что разгорячённые мужики случайно откусывали клочья шерсти.

Возницы, будьте нележки!

Недовольный приказчик таким манером про себя проклинает возниц-выпивох, добравшихся до помещичьего товара.

Что всю мужицкую свободу

В аренду отдал за кицу.

Настоящий помещик, обнищавший после отмены Крепостного права, продал подставному лицу, явно еврею Копелю, за приличные деньги своё имение в аренду. Такое тогда происходило сплошь и рядом. Новый хозяин начал дикую эксплуатацию русских крестьян. За это ему и отомстили.

Где тарантас рожала жердь.

Большинство почв в той местности – чернозёмы. По меткому народному присловию, они такие плодородные, что воткни оглоблю (жердь), вырастет тарантас.

И без особого посыла

Гулял в имениях петух.

Революция 1905 года в деревне началась с массового поджога (красного петуха) имений, в которых, по сути, жили подставные управляющие.

Святую вечную местину;

Меж тем и этим светом брод.

Обычно место для захоронения у самой церкви выкупалось наиболее достойными служителями культа. Оно считалось почётным. Считалось, что отсюда было легче попасть в рай. Своеобразный духовный брод. Всякий заходящий в храм должен был поклониться этим могилам.

И по ночам шумела копань

С раскисшей грудой конопли.

Копань-пруд, сажалка, специально выкопанная для долгого замачивания конопли. Только после такой процедуры её можно было обрабатывать и ткать из неё посконные холсты.

Читал старинные бумаги

От грустных дум навеселе:

На родине автора, в брянском селе Рохманово, краеведы собрали материалы о реальной трагической истории, случившейся с местным управляющим имением Копелем. Автор радовался, что сумел ознакомиться со старинными записками, достаточно грустными по описанию драматических событий.

То батька в сына сыпал выстрел,

На улочке, где некогда стоял спиртозавод, постоянно творилась разная чертовщина. Например, отец, колхозный бригадир, в припадке пьяного бешенства застрелил из ружья, заряжённого дробью, сына-подростка.